

Let me illustrate the inevitable loss of some features in a translated poem and the way this loss may be compensated from my own experience as a translator of Russian poetry into Dutch. In her book «Словоравенства» Natalia Azarova published the poem «у окончання пирса...»

у окончання пирса
 дыханьце белеет
 телосложеньцами плещет
 летом человек пугает в человечесий рост
 вокруг столпились лепестками лиц
 многоквартирные стихи
 антимгновенно мне
 что то аптечное моё
 и набережное лишь по беспорядку
 атланты за затылком
 глинобитных улиц только
 цепкой галькой
 я та и та та я
 я л т а и я
 стих в форме ёлочной
 игрушки
 звенящей
 изнутри [Азарова 2011: 193]

Although the poem has some unusual Russian words, it was not too difficult to translate, that is to say, after some probing and trying satisfactory Dutch equivalents could be found. A greater problem were the two lines «ятаитатая / ялтаия». Azarova often adds to her poems the place and date where and when they were written, in this case Jalta, June 14, 2010. It is clear that the poem was inspired by Jalta, and it is also clear that she has anagrammatically inscribed her own first name in the two above quoted lines (in another poem she writes about the Azores). How to translate these two lines? At first I did not translate them at all, but only transcribed them: 'ja tai ta taja / ja l t a i ja', assuming, or rather hoping that the Dutch reader would be keen enough to find the names Natalia and Jaltain them. But on second thoughts I was not pleased with this first, too easy solution. The Russian word «я» has an important place in the two lines and the meaning of this word does not exist in the transcription 'ja', which in Dutch means «да». If I would translate the poem into English, I might do something with the Russian «я», as the English word 'I' is pronounced 'aj', the reverse of Russian 'ja'. But I am translating into Dutch and the Dutch word for «я», 'ik', refers, it is true, to the speaker of the poem, but does not fit at all in the sound context of the two lines. A literal translation of these lines: 'ik dieen die dieik / j a l t a enik' makes the connection between the lyric 'I' and the place where the poem has been written, but differs in its sound structure too much from the Russian lines and hardly suggests the poet's first name. Accordingly, I decided to skip the ill-fitting word 'ik', keep much of the transcription, but make the anagram more clear by smuggling in the letter 'n', that does not occur in the Russian lines, and an extra 'l' in the second line. The result: 'ja ta ina ta ja / jaltalië' (the last word is in conformity with names of countries in Dutch, such as Italië – Italy, Brazilië – Brasil, Mongolië – Mongolia). The reader, of course, has to decide whether this translation is successful or not, but (s)he will undoubtedly read the poet's name in these lines and attribute a country to her with which she is in some way connected.

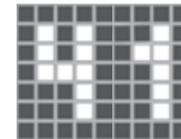
Literature

Азарова 2011 – Азарова, Н.[М.] Соло равенства. Стихотворения. М., Новое литературное обозрение, 2011 – 275 с.

Б.В. Орехов

Кластеризация гетеронимов Пессоа: может ли компьютер отличить де Кампуша от Рейса?

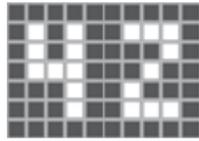

Наталия Азарова в статье «Поэтический билингвизм Фернандо Пессоа» пишет: «Как известно, Пессоа выступал под большим количеством гетеронимов; <...> основные это – Альберто Каэйро, Алваро де Кампуш, “лично Пессоа” и Рикардо Рейс, каждому из которых соответствует самостоятельный поэтический стиль и отдельная сконструированная личность с собственной биографией и социально-культурной идентичностью» [Азарова 2015: 254].

В исследовании такого предмета всегда присутствует человеческий фактор. Поддавшись обаянию авторской интенции или гипнозу авторитетной (и авторитарной) академической традиции легко вчитать индивидуальность стиля там, где она себя не проявляет. Отличаются ли друг от друга тексты гетеронимов Пессоа «на самом деле»? Ведь даже в специальной литературе можно встретить двоякие формулировки: «То, что автор делает под псевдонимом, отличается от того, что он делает под своим именем только постольку, поскольку это подписано другим именем» [Jones 1977: 254]. Вероятно, эта проблема не имеет решения, так как трудно локализовать текстовые уровни, на которых эти отличия следует искать. Кроме того, ситуация осложняется взаимным влиянием поэтических личностей друг на друга, их творческим взаимодействием, сглаживающим изначально заданную стилистическую контрастность.

Тем не менее, мы попытались подступиться к проблеме со стороны точных методов, способных нивелировать влияние человеческого фактора. С сайта <http://arquivoressoa.net/> нами были взяты тексты трех гетеронимов Пессоа и его ортонима; выборка составила 50 стихотворений Альберто Каэйро, 235 Алваро де Кампуша, 243 Рикардо Рейса и 450 самого Пессоа.

Тексты были векторизованы с помощью метрики tf-idf (termfrequency-inversedocumentfrequency, вычисляет вес слова с учетом частоты его встречаемости во всех анализируемых текстах) и далее была осуществлена кластеризация методом k-means (популярный способ разбить объекты, минимизируя суммарное квадратичное отклонение точек кластеров от центров этих кластеров), реализованным в библиотеке scikit-learn для языка программирования Python. Надо сказать, что кластеризация поэтических текстов – задача не вполне естественная, так как тексты обычно категоризируются с опорой на их лексический состав в то время как стихотворение – это короткое произведение и дает слишком мало исходных данных для корректной работы алгоритма. Тем не менее, нам представляется, что было бы небезынтересно посмотреть на результат.

Он оказался следующим. Все тексты выборки были разбиты на 4 кластера по числу гетеронимов с тем расчетом, что в идеальном случае произведения каждой из творческих личностей окажутся изолированно в своем кластере. Первый оказался совсем маленьким, он не включал в себя произведения Казейро, примерно наполовину состоял из стихотворений Рейса (43 %) и Пессоа (41 %). В то же время тексты, отнесенные к этому кластеру, составляли всего 4 % и 8 % всей выборки Пессоа и Рейса соответственно. Ключевые термины этого кластера, послужившие основанием для его выделения: *te, que, és, não, teu, tu, de, se, ti, mais*.

Во втором кластере получилось следующее соотношение: Пессоа 57 %, де Кампуш 29 %, Рейс 9 %, Казейро 6 %. Ключевые термины этого кластера: *que, de, não, me, eu, um, do, se, em, meu*. Именно в этом кластере оказалось большинство произведений Пессоа (65 %). Примерно такая же часть выборки де Кампуша (63 %) и Казейро (60 %) также попала в этот кластер.

В третьем кластере большая часть произведений снова сложилась из текстов Пессоа (75 %), хотя для самого ортонима это всего лишь 13 % всей выборки. 11 % пришлось на долю де Кампуша, 9 % Рейса и 5 % Казейро. Ключевые термины этого кластера: *que, sei, não, me, se, de, bem, quero, tudo, eu*.

Четвертый кластер обладает большей индивидуальностью. Он на 50 % состоит из стихотворений Рейса, и это 70 % всех его стихотворений в нашей выборке. Остальные доли в кластере распределились так: Пессоа – 24 %, де Кампуш – 21 %, Казейро – 5 %. Ключевые термины этого кластера: *que, de, os, não, nos, as, da, do, deuses, vida*.

Такое распределение говорит о том, что предложенный алгоритм кластеризации текстов плохо различает Пессоа, де Кампуша и Казейро, но сравнительно уверенно выделяет в отдельную категорию тексты Рейса.

Как видно из приведенных списков, ключевыми терминами кластеров по необходимости становились служебные слова. Несмотря на применение метрики tf-idf, которая должна сглаживать эффект частотности грамматических слов, в следствие редкой встречаемости представителей самостоятельных частей речи именно такие речевые единицы (часто называемые *стоп-словами*) вышли на первый план.

На втором этапе исследования мы исключили эти термины из текстов при построении модели. Картина изменилась в том, что алгоритм стал увереннее отличать от остальных гетеронимов тексты де Кампуша, составившие 37 % наполнения четвертого кластера (43 % выборки для этого гетеронима). 23 % этого кластера складывается из текстов Рейса (26 % выборки для этого гетеронима). Ключевые термины кластера: *são, mim, coisas, me, alma, tenho, coisa, todos, coração, pensar*. Тексты Казейро и Пессоа по-прежнему, в основном, оказываются в одном кластере.

Известна цитата Пессоа: «В Казейру я вложил весь свой драматизм, Рикарду Рейсу предоставил свою ментальную дисциплину, в Алваро де Кампуша я вдохнул всю эмоциональность». Интересно, что эмоциональный де Кампуш и дисциплинированный Рейс с точки зрения алгоритма кластеризации оказываются больше похожи друг на друга, чем другие гетеронимы португальского поэта.

Литература

Азарова 2015 – Азарова, Н.М. Поэтический билингвизм Фернандо Пессоа // Критика и семиотика, 2015, № 1. – С. 254–267.

Jones 1977 – Jones, M.S. Pessoa's Poetic Coterie: Three Heteronyms and an Orthonym // Luso-Brazilian Review, Winter, 1977, Vol. 14, № 2. – P.254–262.

Н.А. Фатеева

Отзыв официального оппонента о диссертации

Азаровой Наталии Михайловны
«Конвергенция философского и поэтического текстов XX – XXI вв.»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук.
Специальность 10.02.19 – Теория языка

Работа Н.М. Азаровой является новаторской во многих отношениях. Во-первых, в ней впервые ставится задача определения типологических признаков языка философских текстов XX – XXI вв.; во-вторых, проводится сопоставительный анализ двух видов текста – философского и поэтического, на основании которого делаются выводы о зонах их конвергенции; в-третьих, в ней рассматривается роль конвергенции философского и поэтического текстов в формировании индивидуальных стилей как философов, так и поэтов. Причем зоны «схождения» философского и поэтического текстов выявляются на всех уровнях языковой системы, начиная с фонетического и кончая уровнем целого текста, что позволяет автору поставить вопрос о свойстве языковой и креативной «потенциальности» этих зон, особенно в области словообразования и грамматики, и их влиянии на развитие языка в целом.

Исследование проводится на большом и представительном материале, что дает основание считать сделанные в работе выводы верифицированными. А именно, Н.М. Азарова исследует тексты наиболее значимых в русской словесности философов конца XIX – начала XX века и их последователей (В. Соловьева, Н. Федорова, С. Трубецкого и Е. Трубецкого, Н. Лосского, о. С. Булгакова, И. Ильина, Н. Бердяева, С. Франка, Г. Шпета, о. П. Флоренского, Л. Шестова, В. Розанова, Л. Карсавина, А. Лосева, А. Кожева, Я. Друскина, Л. Липавского, М. Мамардашвили, В. Подороги и др.), а также произведения тех поэтов, в творчестве которых взаимодействие философского и поэтического языка проявилось с наибольшей очевидностью (Д. Хармса, А. Введенского, Г. Айги, И. Бродского, Л. Аронзон, Г. Сапгира, В. Кривулина, В. Сосноры, Е. Мнацакановой, А. Парщикова, В. Аристова, О. Седаковой, Е. Шварц и др.). Для анализа также привлекается корпус текстов 9 поэтов Серебряного века, который лег в основу создания «Словаря русской поэзии XX века». Широко представлены и тексты новейшей русской поэзии из полных подборок периодических изданий журналов («Новый мир», «Воздух», «Арион», «Знамя» и др.), а также современных поэтических антологий.

Несомненным украшением работы служит раздел, в котором анализируются тексты из архива Г. Айги. Этот анализ позволяет автору диссертации продемонстрировать, как явление конвергенции философского и поэтического текстов реализуется в конкретном идиостиле. Для выявления зон «схождения» двух типов текстов в работе также исследуются философские дневники,

